

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Среди почти десятка книг А. Т. Фоменко и его последователей, изданных в 1990-х гг., отметим: *Носовский Г. В., Фоменко А. Т. Правильно ли мы понимаем историю Европы и Азии*. М., 1997. Кн. 1 и 2. Против пересмотра современных научных представлений об основах исторического процесса возражали кроме И. Н. Данилевского и Д. Э. Харитоновича Ю. Н. Ефремов («Альмагест» и «новая хронология» // *Природа*. 1991. № 7), М. Неборский (Иван Грозный был женщиной. Как рождаются исторические мифы // *Родина*. 1996. № 5), С. П. Новиков (Математики и история // *Природа*. 1997. № 2), А. В. Бялко (Мы весь, мы древний мир разрушим? // Там же), дважды — В. Л. Янин (Нас унижающий обман // *Общая газета*. 1998. 9—15 апр.; Был ли Новгород Ярославлем, а Батый — Иваном Калитой? // *Известия*. 1998. 11 июня), Д. Драгунский (Мода //

Итоги. 1998. № 9). В апреле 1998 г. в Петербурге состоялась дискуссия: «История: наука и мифы», участники которой, представители как гуманитарных, так и физико-математических наук, с различных точек зрения показали беспочвенность попыток разрушить представления человечества о его истории. Среди выступавших были Я. А. Гордин, О. В. Творогов, А. А. Фурсенко, В. И. Старцев, В. А. Дергачев, С. Н. Полтораки, Г. И. Зайцева, Ч. Э. Сыманович, А. И. Зайцев, Э. А. Тропп и др. Отчет о дискуссии был опубликован в журнале «Клио» (1998. № 2). В защиту А. Т. Фоменко и его единомышленников выступил в «Известиях» (1998. 27 июля) В. Беляев. В журнале «Нева» (1999. № 2) опубликована статья Г. Носовского и А. Фоменко «Старая практика и новая хронология». — *Примеч. редакции*.

Н. Л. Корсакова

ДЖОН КЕННЕДИ НА СТРАНИЦАХ ДНЕВНИКА ЭРВЕ АЛЬФАНА

В плеяде известных дипломатов Пятой республики видное место принадлежало Эрве Альфану. 10 лет, с июня 1956 г., он был чрезвычайным и полномочным послом Франции в США, занимая пост, считающийся одним из самых престижных в дипломатическом мире.

Э. Альфан родился 31 мая 1907 г. в Париже в семье дипломата. Его отец Шарль Альфан (1879—1942) с 1902 г. работал в Министерстве иностранных дел и с 1933 по 1936 г. был послом в Москве.

Альфан-сын окончил юридический факультет Сорбонны и Школу политических наук и в 1930 г. начал карьеру сначала помощником инспектора, затем инспектором финансов. В 1933 г. он был назначен помощником директора кабинета министра финансов, в 1935 г. — директором кабинета министра торговли, а в 1937 г. — директором отдела торговых договоров Министерства иностранных дел. В августе 1940 г. Альфан впервые занял дипломатический пост в Вашингтоне — атташе по финансам, но уже в августе 1941 г. он был отрешен от должности правительством Виши.

Дальнейшая его судьба связана с французским движением Сопротивления и лично с де Голлем: в 1941—1943 гг. Альфан — директор по экономическим вопросам при Национальном комитете «Свободная Франция» в Лондоне, а затем при комиссариате иностранных дел в Алжире. В послевоенные годы Альфан в разное время занимал целый ряд важных дипломатических постов: постоянного представителя Франции при Совете НАТО, главы постоянной французской миссии при ООН — представителя Франции в Совете безопасности и др. 19 августа 1950 г. он был удостоен дипломатического ранга Посла Франции.¹ В июне 1956 г. Альфан получил назначение на пост чрезвычайного и полномочного посла в Вашингтоне. В период обострения холодной войны отношения с Соединенными Штатами приобретали все возрастающее значение.

В США на президентских выборах 1960 г. победил кандидат демократической партии Джон Кеннеди. 20 января 1961 г. состоялась официальная церемония его вступления в должность. Накануне этого важного политического события министр иностранных дел Франции Кув де Мюрвилль инструктировал посла в Вашингтоне: «В тот момент, когда происходит смена американской администрации, Вы должны, представляя новому руководству основные международные проблемы, иметь в виду цели нашей внешней политики и наши усилия лучше организовать сотрудничество с Соединенными Штатами».² Далее, в серии телеграмм, объединенных в один текст и отправленных в тот же день, глава внешнеполитического ведомства изложил основные принципы французской внешней политики по тем вопросам, которые затрагивали и американские интересы. «Я предоставляю, естественно, Вам, — заключал он свое послание, — выбор формулировок всего вышеизложенного по мере того как Вы установите различные контакты с будущими сотрудниками нового президента и с самим президентом Соединенных Штатов».³

Сближение французского дипломата с американским президентом и его семьей происходило быстро. Возможно, этому способствовали теплые отношения, установившиеся между Жаклин Кеннеди и женой посла Николь Альфан.⁴ Историю этого сближения можно проследить как по официальным документам Альфана в Министерство иностранных дел, так и по страницам его дневника, ведшегося с июля 1939 г. по 1973 г. и опубликованного уже после смерти дипломата. Как сам Альфан пишет в предисловии, дневник «состоит из девяти различных по формату и объему записных книжек. Записи, содержащиеся в них, велись случайно, по настроению и волеу обстоятельств. Это объясняет продолжительные периоды, в течение которых я ничего не писал — порой из-за загруженности работой, порой из-за лени, которая брала верх над желанием запечатлеть воспоминания. Я не пытался восполнить эти пробелы; действительно, я оставил мои тетради в том виде, в каком они велись, не изменив порядка записей и содержания, опустив лишь места, носящие слишком личный характер и поправив стиль».⁵

Знакомство Альфана с Кеннеди произошло еще до победы последнего на выборах. Об этом свидетельствует запись в дневнике 25 мая 1961 г.: «Несколько месяцев мы знакомы с новым президентом, сенатором от Массачусетса, и его женой. Мы поддерживали с ним и с ней сердечные отношения до его избрания...».⁶

Отчет о первом официальном визите Альфана к Джону Кеннеди содержится в одной из его телеграмм: «Как только президент Соединенных Штатов выразил желание меня видеть, я встретился с ним 10 февраля в Белом доме в 5 часов вечера. Наша беседа длилась около 55 минут. Господин Кеннеди прежде всего подтвердил свое желание, чтобы отношения между нашими странами развивались „гармонично“. Он очень огорчился, что в апреле прошлого года, во время визита генерала де Голля, интересы избирательной кампании держали его вдали от Вашингтона. Он живо выразил желание встретиться с ним в ближайшее время, во всяком случае в течение 1961 года».⁷

Во время этого визита выяснялись позиции обоих государств по различным международным проблемам: ситуация в Конго и Лаосе, сотрудничество США, Великобритании и Франции, запрещение испытаний ядерного оружия и др. «В заключение нашей беседы, — сообщал Альфан, — президент США повторил, что самой большой его заботой является поддержание доверительных отношений с Францией. Он это продемонстрировал сегодня, приняв посла Франции до приема всех коллег, аккредитованных в Вашингтоне. <...> Президент США добавил, что надеется иметь возможность принимать меня часто, что достаточно моего желания, чтобы связаться с Белым домом

непосредственно, и не надо, как было прежде, проходить извилистый путь формальностей в госдепартаменте, чтобы получить аудиенцию».⁸

Позднее, вспоминая в Париже эту встречу, Альфан таким образом описал ее в дневнике: «Итак, Кеннеди уже почти пять месяцев в Белом доме. Мы обедали с ним в день инаугурации — единственные иностранцы среди друзей-американцев. <...> Через несколько дней после процедуры принятия власти президент пригласил меня в Овальный кабинет. Он показался мне простым, прямым, блещущим молодостью и счастьем. Он мне сказал, что счел необходимым принять самым первым посла Франции, так как надеется поддерживать между нашими странами самые лучшие отношения. Он искренне восхищается генералом де Голлем и хочет считаться с его мнением».⁹

Действительно, из большого числа дипломатических представителей в Вашингтоне только чета Альфанов была приглашена на обед в честь инаугурации президента. Ибо, как было упомянуто, ко времени первого официального визита французского дипломата в Белый дом между ним и семьей президента уже сложились доверительные отношения. Об этом говорит и то, что в разгар инспирированной американцами военной операции на Кубе, когда в заливе Кочинос был высажен десант контрреволюционных групп в целях свержения правительства Фиделя Кастро и установления на острове проамериканского режима, Кеннеди одним из первых сообщил Альфану о неудаче этой операции, в то время как пресса и телевидение давали вполне оптимистическое описание хода событий. Еще до получения известий о неудачной попытке вторжения на остров Альфан телеграфировал в МИД: «Президент США, с которым мне удалось побеседовать несколько минут 19 апреля во время приема в Белом доме, дал понять, что новости, которые он получил с Кубы, плохие. <...> Контрреволюционеры надеялись, что их действия вызовут массовую поддержку. Возможно, что превентивные меры, предпринятые Кастро, объясняют эту неудачу: президент сообщил, что пять тысяч кубинцев были накануне посажены в тюрьмы».¹⁰

Для выяснения ситуации представители французского посольства обратились к ЦРУ, с которым у посольства был тесный и постоянный контакт. По свидетельству Альфана, директор ЦРУ Аллен Даллес днем имел беседу с одним из его сотрудников, «с которым он обычно контактирует». Глава разведывательного ведомства «подтвердил все то, что сказал Кеннеди», добавив, что «число высадившихся не превышает нескольких сотен и что все они в настоящее время находятся в сложном положении». По словам Даллеса, Кастро «использует против них русские танки и МИГи».¹¹ 20 апреля Кастро объявил специальным коммюнике, что «кубинская революционная армия и милиция 19 апреля в 17 часов 30 минут взяли последние позиции захватчиков».¹²

21 апреля французский посол, анализируя сложную ситуацию, в которую попал американский президент, высказал мнение, что не один Кеннеди виноват в создавшемся положении: «Пробыв ровно три месяца у власти, президент Кеннеди потерпел провал на Кубе, размах которого сам он не стремится преуменьшить. Несомненно, как и почти во всех других насущных вопросах международной шахматной партии, речь идет о ситуации, которую он унаследовал от своего предшественника».¹³

Действительно, операция против Кубы планировалась еще во время президентства Эйзенхауэра с его непосредственной санкции. Более того, при Эйзенхауэре дважды была предпринята попытка начать интервенцию против Кубы, и только в самый последний момент приказы о высадке отменялись. Альфан не скрывал сочувственного отношения к положению, в котором поневоле оказался президент, продолжая курс, выработанный его предшественником. Французский посол отмечал, что «молодой президент дал доказательство своей энергии и смелости и продемонстрировал, что он осо-

знает необходимость риска, в то же время он обнаружил свою импульсивность».¹⁴

Та же тема повторяется в пространной депеше Альфана, отправленной 28 апреля, подробно освещающей политическую жизнь Вашингтона: «В Соединенных Штатах президент Кеннеди немедленно взял на себя ответственность за принятые решения.¹⁵ Он предупредил критические выступления, которые раздались бы из рядов республиканской части конгресса. <...> Господин Кеннеди добился также того, чего желал: поддержки президента Эйзенхауэра и республиканской партии в своей кубинской политике. Но если в действительности президента никто не втянул в это дело, его можно рассматривать как жертву плохих советников, и желательно знать, кто мог повлиять на его решение таким достойным сожаления образом».¹⁶

По прошествии менее трех месяцев своего президентства Кеннеди собрался совершить первый официальный визит за океан, чтобы встретиться в Париже с генералом де Голлем. По этому случаю Альфан суммировал некоторые впечатления о противоречивом характере президента, его настроениях и кратко изложил взгляды Кеннеди на основные проблемы, которые, по мнению Альфана, могли быть затронуты в ходе предстоящих переговоров:

«Президент Кеннеди перед лицом неприятностей сохраняет, по-видимому, спокойствие, веру в себя, стремление одолеть обстоятельства и достичь своих целей. Он рожден под знаком Близнецов, его характер представляет собой две противоборствующие стороны: с одной стороны, как блестящий воспитанник Гарварда, он любит учиться, создавать разнообразные советы, весьма многочисленные; с другой — проявляется реакция политика-ирландца, когда он внезапно действует непродуманно, не принимая во внимание разнообразие личных мнений, зачастую противоречивых, которые ему высказывают. В кубинском инциденте, например, после длительного обсуждения, но на основе неправильных разведанных, президент казался, на несколько минут под давлением господина Стивенсона¹⁷ принял решение запретить любую поддержку американскими военными силами и собирался сделать это официально».¹⁸ Впрочем, Альфан считал, что президент «по мере приобретения опыта должен изменить свой характер: он должен изменить методы работы, ограничиться несколькими надежными советниками, с чьим мнением он считается, не позволять себе следовать импровизированным инстинктам, когда предстоит принимать важные решения».¹⁹

25 мая 1961 г. Альфан записывает в дневнике: «Вчера провел 55 минут у генерала де Голля для подготовки поездки, которую Кеннеди собирается совершить во Францию, первой поездки за пределы Американского континента, которую он предпринимает».²⁰ Де Голль выразил уверенность, что американскому президенту есть что сообщить ему, «поскольку он сам попросил пригласить его». Альфан ответил, что Кеннеди «несколько обеспокоен и нерешителен после первых встреченных им неудач, в особенности после провала операции в заливе Кочинос, за которую без колебаний взял на себя полную ответственность. Возможно, виной всему слишком большое число так называемых экспертов, комиссий и советников, которыми он себя окружил и чьи мнения зачастую противоположны. Они только мешают проводить политику. Когда происходит внезапное событие, он поступает инстинктивно, поскольку ему не хватает опыта, и его импровизации не всегда бывают удачными».²¹

О степени доверительности отношений между послом и президентом свидетельствует запись в дневнике 8 июля 1961 г.: «Мои отношения с Кеннеди: через свою жену и Николь он передал мне, что желает видеть меня как можно чаще и чтобы я, по-дружески, звонил непосредственно ему, когда мне это нужно; „даже ночью“, — написала Жаклин. Я воспользовался этой пре-

восходной возможностью. Я доставил ему, с интервалом в восемь дней, два послания де Голля. Контакт совершенно доверительный».²²

1962 год Альфан открыл записью, сделанной в Палм-Бич 27 января: «Я приехал сюда на week-end и чтобы дважды пообедать с Кеннеди. Первый обед состоялся вчера вечером у ирландских друзей. Мы были единственными „неирландцами“ в компании. Четыре из присутствовавших женщин входят в список „десяти наиболее элегантных женщин года“.

Кеннеди очень расслабленный, потемневший от загара, но его спина все еще болит. Он не может наклоняться, даже чтобы поднять спичку, не может носить никаких тяжестей и заниматься каким-либо спортом <...>

За столом меня посадили рядом с Джекки. Ее голос всегда так сладок, как будто она без конца удивляется».²³

К августу 1962 г. французский дипломат уже хорошо знал Джона Кеннеди. В дневниковой записи 2 августа он дал его яркий портрет: «Президент Соединенных Штатов — сорокапятилетний мужчина с довольно молодым, хотя и изрезанным морщинами лицом, густыми светлыми волосами, обрамляющими низкий, с матовой кожей лоб, с голубыми улыбающимися глазами, довольно насмешливыми. У него короткая шея, он сутул, и его позвоночник создает впечатление неподвижности. У него болит спина, и ему пришлось попросить меня подать ему чашку чая, так как она стояла на довольно низком столе.

Его ум поглощает и сохраняет в памяти огромное количество фактов, цифр, проблем. Читает он с ошеломляющей скоростью, любит долго говорить о происходящих событиях, гостеприимно открывая свои двери послан, сенаторам и случайным иностранным путешественникам.

Он окружен большим количеством советников. Иногда, несмотря на изобилие сведений, его решения изобличают недостаточную продуманность (за-лив Кочинос, цена на сталь, отношения с де Голлем и т. д.²⁴).

Он любит также удовольствия и женщин. Эти желания трудно удовлетворять, не вызвав скандала, которым могут воспользоваться его политические противники. Возможно, такой скандал и произойдет однажды, когда он не проявит достаточной осторожности в этой пуританской стране.

Большая легкость, с которой он говорит, быстрота и легкость ответов во время пресс-конференций, безусловный большой шарм помогают создать ему благоприятный имидж. Но как поведет себя этот молодой человек с его жадной жизни, ирландским темпераментом и огромным желанием разделаться со своими врагами в тот день, когда ему придется принимать окончательное решение, перед лицом выбора: решиться на войну и на всеобщее разрушение, чтобы остановить поток тоталитарной диктатуры, или нет? Он любит утверждать, что не дрогнет.

Тогда почему же, стремясь удержать свою страну на первом месте в ряду мировых держав и обеспечить превосходство в атомной области, он, ища переговоров с Советами (что естественно), производит впечатление человека, который не пойдет до конца в своих решениях?

Невозможно, чтобы де Голль не почувствовал этих колебаний и того риска, которым они чреваты: отсюда французская атомная политика, столь непопулярная у молодого президента Соединенных Штатов и его советников, блестящих гарвардских умов».²⁵

Обращает на себя внимание запись, сделанная Альфаном в Париже 22 декабря 1962 г. Предшествующая запись датируется 3 сентября. Таким образом в период острого противостояния двух мировых сверхдержав, который называют Кубинским или Карибским кризисом, французский дипломат, к сожалению, дневника не вел. Сам он пишет об этом так: «Я пренебрегал записной книжкой. Лениность или приступ активности? — То одно, то другое. В течение четырех месяцев множество событий изменили множество вещей. Куба показала Америке и всему миру не только то, что Соединенные Штаты

имеют военное превосходство, но и то, что президент решителен и осмотрителен».²⁶

Сразу же за этим Альфан вспоминал: «В субботу, 20 октября, мы были на Потомаке, на борту „Секвойи“ приглашенные заместителем военноморского министра Редом Феем <...>, адмиралом Андерсеном и братом президента. Мы признались друг другу в предчувствии чего-то важного, даже тяжелого. Боб Кеннеди, опоздавший на три часа, сидя рядом с Николь, не скрывал своей тревоги <...> Вернувшись в половине второго утра, я нахожу записку, содержащую просьбу немедленно связаться с Рестоном, лучшим в США журналистом. „Вы не находите, — говорит он мне, — что этот город выглядит необычно в эту ночь?“. Методом исключения мы пришли к выводу, что причиной тому Куба — возможно, прибытие туда большого конвоя с советским оружием. Мы были недалеко от истины, и я мог бы телеграфировать той же ночью в Париж на сорок восемь часов раньше моих коллег. Я этого не сделал. Де Голль узнал о советской угрозе, исходящей с Кубы, от Ачесона, которого Кеннеди специально направил к нему, в понедельник 22 октября, в день, когда президент произнес свою речь, из которой мир узнал о блокаде Кубы».²⁷

Почему же Альфан все же не телеграфировал в Париж?

Приведенный отрывок из дневника позволяет предположить, что французский дипломат уже что-то знал о происходящих на Кубе событиях. Известно также, что французское посольство в Вашингтоне поддерживало контакт с американской разведкой. В цитированной телеграмме Альфан упоминает сотрудника посольства, в обязанности которого входила постоянная связь с ЦРУ. Известный французский ученый Морис Вайс в своей статье, опубликованной в сборнике статей «Европа и Кубинский кризис», вышедшем под его редакцией, пишет, что к моменту кризиса посольство Франции в Вашингтоне располагало несколькими источниками информации. Одним из них было французское посольство в Гаване и сам посол Робер дю Гардье,²⁸ «пристально следивший за событиями и имевший информаторов среди антикастристов».²⁹ Другим источником информации М. Вайс называет генерала де Ранкура, военного атташе в Вашингтоне, который также поддерживал контакты с кубинским сопротивлением режиму Кастро через своих служащих. Третьим источником, по мнению М. Вайса, мог быть Филипп Тиро де Вожели (de Vosjoli), возглавлявший в то время службу внешней документации и контрразведки в Вашингтоне, хотя последующие события не подтвердили большую часть его сведений.³⁰ С другой стороны, автор раздела, посвященного роли разведки в Кубинском кризисе, пишет, что специальный помощник директора ЦРУ Дж. Маккоуна (преемника Даллеса) Уолтер Элдер в беседе с ним упоминал, что Вожели сам обращался к Альфану, прося его помочь американцам «насушно необходимой им информацией, касающейся Кубы».³¹ О том, что «французская разведка могла бы поднять тревогу по поводу присутствия советских стратегических ракет на Кубе», пишет и М. Дюваль, один из авторов книги, цитируя П. Нитце³² (участника заседаний Исполкома Совета национальной безопасности, специально созданного президентом Кеннеди для обсуждения вопроса об американских действиях после обнаружения советских ракет воздушной разведкой США), автор выражает удивление, что Альфан не уделил должного внимания этим сведениям. «Действительно любопытно, — продолжает автор, — что он не вел свой дневник в период между своим отъездом из Парижа 3 сентября <...> и возвращением в Париж 22 декабря. „Леность или приступ активности? — То одно, то другое“», — цитирует он Альфана и обвиняет последнего в том, что посол «ограничивается философскими рассуждениями по поводу прошедшего кризиса».³³ «Но за всем этим, — считает М. Вайс, — стоит на заднем плане дело Голицына,³⁴ которое начало уже отравлять франко-американские отношения и даже отношения между посольством Франции в

США и Парижем. В этом содержится возможное объяснение поведения Эрве Альфана, который мог бы проинформировать французское правительство, но не сделал этого».³⁵

Пассивность французского дипломата в момент разгоравшегося политического кризиса могла иметь и имела также психологические причины. Именно близость к семье президента Кеннеди и искренняя симпатия к нему могла стать такой причиной. Возможно, Альфан, не будучи твердо уверенным в имевшейся у него информации, не спешил составлять официальную телеграмму.

Не сохранилось никаких других документальных упоминаний о ночном разговоре Альфана с Рестоном. Известно лишь, что Джеймс Рестон, будучи близким другом Джона Кеннеди, был одним из немногих, кто к этому времени знал о ракетах на Кубе почти все. Он подготовил статью для воскресного номера «Нью-Йорк Таймс», но Кеннеди обратился к редактору газеты с просьбой воздержаться от публикации. Его просьба была выполнена.³⁶ В понедельник, 22 октября, президент выступил с обращением к нации. Его речь была выдержана в ультимативных по отношению к СССР тонах.

Зная о близости Альфана с Кеннеди и об осведомленности последнего в кубинских делах, Рестон, возможно, хотел обсудить с ним вопрос о советских ракетах на Кубе, а также предостеречь посла от поспешного сообщения о них в Париж. Таким образом Альфан мог оказаться связанным вдвойне — предупреждением Рестона и собственным отношением к президенту.

Последняя запись Альфана, свидетельствующая о дружеских отношениях с семейством Кеннеди, относится к 23 октября 1963 г., когда он с женой были приглашены на обед в Белом доме в числе ближайших друзей президента. Обед был сервирован на восемь персон в частных апартаментах президента. «До начала еды, — отметил Альфан, — заходят дети в домашних платьях, подростки, один с соской, другой с бутылкой кока-колы, совершенно запросто. Президент прибыл последним, отпустил шутку по поводу моей полосатой рубашки (он видел такую же на Ормсби-Горе³⁷ и думает, что я одеваюсь в Лондоне, в то время как моя рубашка от Кардена)».

Жаклин незадолго до этого возвратилась из путешествия, которое должно было ее отвлечь от только что пережитой трагедии — рождения мертвого ребенка. Она вернулась из Греции, Турции и Марракеша, где находилась в сопровождении своей сестры Ли Радзивилл и друзей Кеннеди — Франклина Рузвельта младшего и его жены — на яхте Онассиса.

«После обеда, — пишет Альфан, — он [Кеннеди] исчез. — Чтобы работать? — Мы остаемся до одиннадцати и прощаемся».³⁸

Через месяц с небольшим, 29 ноября, в дневнике Альфана появилась запись «о печальных днях», связанных с убийством президента Кеннеди: «22 ноября Николь и я завтракали одни на втором этаже посольства. Почти без четверти два раздался телефонный звонок: Бобе, пресс-атташе, который проводит свои каникулы во Флориде, зовет меня. Президент Кеннеди только что ранен во время покушения в Далласе. Мы бросились к телевизору и радио, от которых не отрывались в течение последующих трех дней. Вдруг Николь сказала мне: „Я видела сегодня во сне, что Кеннеди убит в Далласе и заменен Джонсоном“.

Сначала сообщения по радио были скупы: президент ранен пулями убийцы, так же как губернатор Техаса Коннэли. Их отвезли в ближайший госпиталь. Президент оставлен в палате интенсивной терапии вместе с Жаклин. Это не предвещало ничего хорошего... Приглашены двое священников... Он получил последнее миропомазание... В два часа мы услышали ужасную новость: он мертв <...> Итак, этот человек сорока шести лет, в зените славы, любящий жизнь и свое дело с юношеской страстью, жаждущий свершить большие дела, завершить освобождение, начатое Линкольном, бороться за

процветание своей страны и за прочный мир во всем мире, угас в считанные секунды».³⁹

В официальной телеграмме, отправленной четыре дня спустя после убийства президента Кеннеди, Альфан сообщал о возможных причинах трагедии в Далласе. К этому времени главный подозреваемый Ли Харви Освальд был уже мертв. Его застрелил в подвале далласской полиции Джек Руби, владелец ночного клуба, известный своими связями с преступным миром и полицией. «Убийство подозреваемого убийцы господина Кеннеди является для страны почти таким же серьезным фактом, как и убийство президента», — цитировал Альфан слова «одного из высокопоставленных чиновников госдепартамента». «Как только закончились похоронные церемонии, — писал он, — каждый стал думать, какие причины могли вызвать двойное преступление Освальда и Руби».⁴⁰ Французский посол привел множество версий, но ни одну из них не счел убедительной и пришел к выводу, что вряд ли на причины убийства Кеннеди «скоро прольется свет». «В качестве единственного практического последствия расследования можно ожидать то, что конгресс регламентирует ношение оружия и добьется того, что расследования будущих покушений на президента перейдут из компетенции штата в федеральную компетенцию. Это будет слабой компенсацией ущерба, нанесенного репутации Соединенных Штатов и чести американского правосудия», — заключил Альфан.⁴¹

Пессимистический тон сообщения объяснялся как характером события и неверием в возможность раскрытия его причин, так и потрясением посла, потерявшего человека, с которым у него установились не только хорошие официальные, но и весьма близкие дружеские отношения. Ни с одним другим президентом — ни с предшественником Кеннеди Дуайтом Эйзенхауэром, ни с его преемником Линдоном Джонсоном подобных отношений у Альфана не сложилось. К этому можно добавить лишь то, что время пребывания на посту посла Франции в Вашингтоне в годы президентства Кеннеди имело для Альфана особое значение, ибо исполнение им своих служебных обязанностей протекало в исключительно благоприятной атмосфере доброжелательного отношения как со стороны Елисейского дворца, так и хозяев Белого дома — четы Кеннеди. Все это с достаточной полнотой подтверждается записями личного дневника Альфана, равно как и его дипломатической перепиской.

В 1965 г. Альфан был отозван из Вашингтона. 7 октября того же года он был назначен на пост генерального секретаря Министерства иностранных дел Франции, ставший вершиной его дипломатической карьеры.⁴² Но самой яркой страницей его служебной деятельности остался тот период его пребывания в Вашингтоне, когда президентом США был Джон Кеннеди.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Оценивая впоследствии успехи своей карьеры, Альфан отмечал, что он был самым молодым финансовым инспектором, самым молодым директором департамента и самым молодым Послом Франции (*Alphand H. L'étonnement d'être. Journal (1939—1973). Paris, 1977. P. 356.*)

² Кув де Мюрвилль — Альфану. Телеграмма № 919. 19.01.1961 (текст этой телеграммы, подписанной министром иностранных дел лично, был передан также в Лондон и Москву). // *Documents diplomatiques française* (далее — D.D.F.). 1961. Т. I. P. 63.

³ Кув де Мюрвилль — Альфану. Телеграмма № 936. 19.01.1961 // *Ibid.* P. 68.

⁴ «Добавлю, что мое положение в Вашингтоне хорошее и что Николь с ее мягкостью, теплотой и очарованием внесла в него свой вклад», — писал Альфан 18 июня 1961 г. (*Alphand H. L'étonnement d'être. P. 356.*)

⁵ *Ibid.* P. 7.

⁶ *Ibid.* P. 350.

⁷ Альфан — Кув де Мюрвиллю. Телеграмма № 646. 10.02.1961 // D.D.F. P. 178.

⁸ Альфан — Кув де Мюрвиллю. Телеграмма № 664. 10.02.1961 // *Ibid.* P. 183.

- ⁹ *Alphand H.* L'étonnement d'être. P. 349.
¹⁰ Ibid.
¹¹ Сведения ЦРУ были неверными. О советских военных поставках на Кубу см.: *Fursenko A., Naftali T.* «One Hell of a Gamble»: Khrushchev, Castro, and Kennedy. New York, 1997. P. 99.
¹² D.D.F. P. 499 (note 2).
¹³ Альфан — Кув де Мюрвиллю. Телеграмма № 1973. 21.04.1961 // D.D.F. P. 499.
¹⁴ Ibid. P. 501.
¹⁵ Имеется в виду операция по высадке антикастровского десанта на Кубе.
¹⁶ Делеша, № 1057/AM. 28.04.1961 // D.D.F. P. 549—550.
¹⁷ Речь идет об Эдлае Стивенсоне — постоянном представителе США в ООН.
¹⁸ Альфан — Кув де Мюрвиллю. Телеграмма № 2286. 11.04.1961 // D.D.F. P. 581—582.
¹⁹ Ibid. P. 583.
²⁰ *Alphand H.* L'étonnement d'être. P. 350.
²¹ Ibid.
²² Ibid. P. 356.
²³ Ibid. P. 373.
²⁴ Речь идет о принятых президентом Кеннеди мерах, запрещающих корпорациям подерживать высокие цены на сталь. Что касается отношений с де Голлем, то они всегда носили напряженный характер.
²⁵ *Alphand H.* L'étonnement d'être. P. 382.
²⁶ Ibid. P. 387.
²⁷ Ibid. P. 387—388. Дин Ачесон, бывший госсекретарем США при президенте Трумэне, был отправлен со специальной миссией в Париж одновременно со специальными эмиссарами в Лондон и Бонн, чтобы информировать ближайших союзников США по НАТО о предстоящем выступлении президента Кеннеди по кубинскому вопросу.
²⁸ О деятельности Гардые на посту французского посла в Гаване см.: *Корсакова Н. Л.* Кубинский кризис 1962 г. в донесениях французского посла на Кубе Робера дю Гардые // Россия в XIX—XX вв.: Сб. статей к 70-летию со дня рождения Рафаила Шоломовича Ганелина. СПб., 1998. С. 563—572.
²⁹ *Vaïsse M.* Une hirondelle ne fait pas le printemps. La France et la crise de Cuba // L'Europe et la crise de Cuba. Paris, 1993. P. 91.
³⁰ Ibid. P. 93.
³¹ *Cogan Ch. C.* A surprise, surprise et demi: le role du renseignement // Ibid. P. 52.
³² Пол Нитце — заместитель министра обороны в администрации Кеннеди.
³³ *Duval M.* La crise de Cuba et l'histoire orale // L'Europe et la crise de Cuba. Paris, 1993. P. 217. (Автор в свою очередь ссылается на кн.: *Nitze P.* From Hiroshima to Glastnost. At the Center of Decision, A Memoir, New York, 1989.)
³⁴ Анатолий Голицын — сотрудник КГБ СССР, перебежавший на Запад в начале 1962 г. и утверждавший, что в МИД Франции и Министерство обороны было заслано большое количество советских агентов. См.: *Vaïsse M.* Une hirondelle ne fait pas le printemps. P. 58.
³⁵ Ibid. P. 93.
³⁶ *Schlesinger A. M. (Jr.)*. A Thousand Days: John F. Kennedy in the White House. Boston, 1965. P. 809; *Fursenko A., Naftali T.* «One Hell of a Gamble». P. 238.
³⁷ Имеется в виду Дэвид Ормсби-Гор — посол Великобритании в США.
³⁸ *Alphand H.* L'étonnement d'être. P. 409.
³⁹ Ibid.
⁴⁰ Альфан — Кув де Мюрвиллю. Телеграмма № 6759/70 26.11.1963 (Archives du Ministère des Affaires Etrangères. 9-7-1 Amérique).
⁴¹ Ibid.
⁴² На этом посту он оставался до 1972 г. Альфан скончался в 1973 г.

Th. H. von Laue

THE SOVIET SYSTEM RECONSIDERED

The Soviet system and its brutalities are still a heavy burden on human memory, in Russia as well as in the United States. This burden needs to be reduced by continuing discussion of that system's causes, dynamics, and effects, all set into their worldwide context. In an age of global interdependence, we need large perspectives above our specialized attention to details in order to understand the times in which we live and to reduce the pains of past miseries. Guided by these considerations, this essay considers the Soviet system as an unprecedented experiment of total collective reculturation. Inspired by a western model, it was conducted under conditions far beyond the western experience. These conditions deserve close and compassionate study.

In seeking to make sense of the Soviet system, we are challenged to view it comparatively, in full awareness of the totality of factors at work: politics, economics, culture, geography and climate, as well as the conscious and subcon-